

Рахманова Альбина Ходжаевна
Навоийский государственный педагогический институт
e-mail: alya211@list.ru

**КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
В «ПОДРАЖАНИЯХ КОРАНУ» А. С. ПУШКИНА**

Аннотация. В статье на материале «Подражаний Пушкину» А. Пушкина прослеживается использование коранических мотивов и реминисценций, рассматриваемых в контексте рецептивной эстетики художника, анализируется важность использования реминисценций Священного писания, выясняются особенности воплощения смыслов Корана в эстетическом наследии писателя. Методология анализа определяется теорией системно-концептуального подхода к изучаемому материалу, позволяющего рассматривать цикл А. Пушкина не просто как образец ориентального творчества поэта, а как явление, формирующее новый подход к решению данной темы.

Ключевые слова: цикл стихотворений, ориентализм, коранический материал, интерпретация Пушкина, уважение и толерантность.

Albina Rakhmanova
Navoi State Pedagogical Institute
e-mail: alya211@list.ru

**KORANIC MOTIFS AND THEIR REPRESENTATION
IN «IMITATIONS OF THE KORAN» BY A. S. PUSHKIN**

Abstract. Based on A. Pushkin's «Imitations of Pushkin», the article traces the use of the Koranic motifs and reminiscences, considered in the context of the artist's receptive aesthetics, analyzes the importance of using reminiscences of the Holy Scriptures, reveals the features of the embodiment of the meanings of the Koran in the writer's aesthetic heritage. The methodology of the analysis is determined by the theory of a system-conceptual approach to the material being studied, which makes it possible to consider A. Pushkin's cycle not just as an example of the poet's oriental creativity, but as a phenomenon that forms a new approach to solving this topic.

Keywords: cycle of poems, orientalism, Koranic material, Pushkin's interpretation, respect and tolerance.

Цикл «Подражания Корану» А. С. Пушкина целиком был опубликован в 1826 году в сборнике «Стихотворения Пушкина». Вышедшие до этого отдельные публикации из цикла, сразу же принесли поэту известность и высокую оценку современников, многие из которых видели в текстах совершенно особый подход

к ориентальным явлениям. Проникаясь смыслами и идеями новой для себе религии, Пушкин «текстуально использовал восемьдесят один стих из тридцати трех различных сур Корана» [3, с. 247]. Один из первых исследователей «восточного» творчества А. Пушкина К. С. Кашталева в статье «Подражания Корану и их первоисточник», рассматривая своеобразие знаменитого цикла Пушкина, доказывает, что в 1824 году в Михайловском Пушкин читал перевод Корана, выполненный в 1790 году М. И. Веревкиным [4]. Данный перевод был интересен тем, что был написан «простым и сильным языком, он был, – по утверждению исследователя, – «самым поэтичным из всех переводов своего времени» [3, с. 245]. М. И. Веревкин подошел к переводу священной книги мусульман достаточно оригинально, он придал своему труду своеобразную «стилистическую форму сходную с библейским церковнославянским стилем» [3, с. 245]. Этот библейский стиль сохранит в своих Подражаниях» и Пушкин», – скажет затем Б. Томашевский [6, с. 29].

Каждое «Подражание...» это великолепное прочувствование сур и аятов Священного Корана, причем все они свидетельствуют о разном подходе к осмыслению жизни. Несмотря на сложность прочтения и понимания Корана, пушкинский подход к теме показывает основательность и фундаментальность его поисков коранических истин. Священная книга мусульман, основанная на откровениях Мухаммада-пророка, потрясает поэта своей особой стилистикой и глубиной содержания. Пушкин проникает во внутреннюю структуру стихов Корана, чувствует мощь и давление истины аятов, проникается глубинной мощью откровений Книги. Пушкин пропускает через себя особый трепет стихов Писания, проникается метафоризмом, осмысленностью и глубиной представляемых событий, требующих осмысленного и осознанного прочтения.

Проблема о соотношении «Подражаний» с оригиналом неоднократно подвергалась внимательному изучению, так как процесс соотношения – это вопрос, в первую очередь, истинности понимания религии самим Пушкиным. Заинтересованность поэта в Коране, была для Пушкина «реальной возможностью ответить на главные вопросы смысла жизни» [6, с. 31]. Нужно отметить, что Пушкин не ищет в Коране экзотики, как скажем, это делал Гёте в «Западно-восточном диване». Налицо строгое осмысление своего бытия и поиски смысла с ориентацией на другое, не менее важное объяснение жизни. Пушкин понимает, что, открывая правду об иных формах бытия и другом мироздании, он постигает иную формулу жизни, явно противоположной северному менталитету и своему народу. Как великого поэта его не только удивляют иные формы бытия, его влекут, окрыляют, потрясают и поражают пустынные формы жизни арабов. Вот откуда столь проникновенные и важные стихи, оригинальные и необычные образы, клятвы, переложения: «клянусь четой и нечетой, клянуся утренней молитвой, клянусь вечернею молитвой» [5, с. 321] и др.

Важно обозначить, что Пушкина Коран привлек сначала как выдающийся поэтический документ своего времени, образец высокой поэзии арабов и высочайшей ее культуры. В одном из своих переложений, Пушкин называет Пророка Мухаммада поэтом, считая, что это одна из вынесенных им истин познания восточной культуры. В год создания «Подражаний Корану» поэт был «до того увлечен гиперболической поэзией произведения, что почел за долг распространять имя Магомета, как гениального художника, в литературных кругах» [1, с. 11]. Но по мере работы над Кораном, Пушкин отходит от своих предубеждений и в текстах «Подражаний...» проскальзывает мысль о нерукотворности этой великой Книги.

Обозначая, что это не просто свод этических норм и правил, нравственных предписаний и образец высочайшей поэзии, где многое представлено «сильным и поэтическим образом» [5, с. 328], Пушкин приходит к выводу о божественности заповедей Корана. Еще в конце XIX в. пушкинист Н. И. Черняев доказывал, что «увлеченный поначалу одной лишь поэзией Корана, Пушкин вскоре глубоко проникся и его религиозным смыслом» [7, с. 112]. Подобные выводы возникали не только у современников Пушкина, эта мысль достаточно серьезным образом прослеживается и в исследованиях современных литературоведов, которые отмечают, что «художественный интерес поэта к Корану никак нельзя отделить от религиозно-нравственного» [2, с. 32]. Работая со Священным Писанием, Пушкин понимает, какие серьезные причины ведут его поэтическое вдохновение. Сюжетная сторона цикла, его насыщенность кораническими историями, выходит далеко за рамки чисто поэтической стилизации. Поэт не обходит острых углов, не пытается общими рассуждениями умалить истинную сущность Корана. Ключевые позиции Священной Книги мусульман прорабатываются и подаются в том особом ключе пушкинской гениальной прозорливости, помогающей прочувствовать уважительное отношение поэта к идее Корана. Все девять «Подражаний...» несут общий смысл уважительного отношения к первоисточнику. Уникальность «Подражаний...» определены еще и тем, что, работая с Кораном, Пушкин проникает в смысловую суть и специфику коранических сур и аятов, выбирая важные, с его точки зрения, нравственные истины источника. Так, при работе с Подражаниями, Пушкин использовал следующие суры Священного Писания мусульман:

1 – «Клянусь четой и нечетой...»	2 – «О жены чистые пророка...»	3 – «Смутясь, нахмурился пророк»	4 – «С тобою древле, о всеильный...»	5 – «Земля недвижна; неба своды...»
93, 89, 86, 53 суры Корана	33 сура Корана	80, 22, 56 суры Корана	61, 22, 2 суры Корана	55, 7, 9, 25, 32, 20, 57, 24, 2 суры Корана
6 – «Недаром вы приснились мне...»	7 – «Восстань, боязливый»	8 – «Торгуй совестью пред бледной нищетою...»	9 – «И путник усталый на бога роптал...»	
60, 61 суры Корана	73 сура Корана	73, 74 суры Корана	2 сура Корана	

Каждая сура Корана, выбираемая поэтом, безусловно, несет в себе особую смысловую данность, помогая трансформировать ценность поэтической идеи. Репрезентация коранических историй в «Подражаниях...» является представлением глубокого взгляда поэта на историю из Священного Писания мусульман и этим особенно ценны стихотворения цикла. Каждое стихотворение, входящее в цикл «Подражания Корану» представляет из себя отдельное законченное поэтическое творение, абсолютно не повторяющее предыдущее. Также, как и Священная Книга мусульман, где каждая из сур особенна и неповторима, пушкинские «Подражания» также являют особую смысловую и стилистическую наполненность каждого стихотворения цикла.

Каждое из стихотворений цикла это отдельное произведение, повествующее об одном из эпизодов Корана, все части цикла объединены между собой общей нитью повествования. Однако за кораническим сюжетом, просматривающимися религиозными событиями, даны представления обычного человека, повиновающегося высшим божественным законам, и идея цикла помогает разобраться в сложной составляющей Божественного и Земного. Так, каждое из «Подражаний...» несет разные смыслы:

1,7,8 «Подражание...»	3,4,5 «Подражание...»	2,6,9 «Подражание...»
Представление тернистого пути Пророчества: (в этих стихах заключены идеи служения единому Богу и учение о высокой моральной цене пророчества)	Идея о Всемогушестве Бога-творца: (о сложных путях взаимодействия человека и Бога, пророчества и человеческого в мире)	Идея нравственного служения Богу: (принципы праведности и скромности: «О жены чистые пророка»; «воины пророка»; «путник усталый»)

Сами «Подражания...» – это поэтические вдохновения Пушкина, расширение его религиозных, духовных и философских знаний, поиски смысла и того, что могло бы принести в его душу мир и спокойствие, расширить границы познания. По сути, это поэтические утверждения поэта, признавшего наличие Высшей силы и своеобразный религиозно-философский итог его поэтических и нравственных поисков себя в этот период. Подражания интересны еще и тем, что Пушкин дополняет тексты своими примечаниями, через которые мы познаем степень «многих нравственных истин». Это и мужественная правдивость, и презрение к обману (в первом и третьем «Подражаниях»), бессребреничество, щедрая милостыня, любовь к сиротам (в первом и восьмом), нравственная высота самопожертвования (в шестом), прославление женской чистоты и верности (во втором). Пушкин не просто составляет набор необходимых норм и правил человеческой жизни, эти моральные сентенции пересекаются с нравственными постулатами Корана и представляют степень отношений Единого Бога и людей. Нужно отметить, что Пушкин увлечен не религиозно-культовой, а общефилософской и нравственно-поэтической

стороной Корана, Для Пушкина это образец высокой художественной литературы и культуры. Поэт писал: «Коран – это плохая физика, но зато, какая смелая поэзия» [5, с. 320]. Было вполне понятно, что в Коране поэта привлек не его религиозный текст и содержание, а прекрасный слог, ибо для него, как заинтересованного человека, «слог восточный был образцом высшей поэзии» [6, с. 39].

Пушкин понимает важность проводимой им работы. Накладывание смыслов Корана на мировоззрение поэта очевидно, Пушкин потрясен глубиной образов и смыслообразующих единиц данного текста. Пушкин работает с Сурами (главами) Священного Корана, понимает важность их содержания. Многотемность «Подражаний...» свидетельствуют о том, что суры, которыми пользуется поэт, отличаются друг от друга не только по тематике и внутреннему содержанию, но и стилистически. Умение работать с этим, внедрение в стилистику и образную структуру аята, прочтение истинного смысла, толкование сакральных знаков, безусловно, указатель мастерства поэта. Пушкин понимал, что Коран, являясь подлинным источником Божественного, представляет из себя достаточно сложно-структурированный текст. Работа с Кораном и «Подражаниями...» Пушкина, упростили наше мнение о том, что Пушкин достаточно серьезно знаком с текстом Корана, с его уникальной архитектурой, которую можно увидеть, только соединяя воедино разрозненные главы Корана. Пушкину удаются соединения сур Корана, для уяснения «своих» важных истин. Говоря о «смелости поэзии» Корана, Пушкин устанавливает систему смысловых связей внутри цикла, что позволяет нам говорить о возникновении новых аспектов, предполагающих формирование нового восточного текста в творчестве Пушкина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков, П. В. Пушкин в Александровскую эпоху / Сост. А. И. Гарусов. – Мн. : Лимариус, 1998. – С.7–12.
2. Васильев, Б. А. Духовный путь Пушкина: Катакомбы XX века / Б. А. Васильев. – М. : Sam & Sam, 1995. – 360 с.
3. Кашталева, К. С. «Подражания Корану» и их первоисточник / К. С. Кашталева // Записки коллегии востоковедов. – Л. : Академия Наук СССР, 1930. – Т. V. – С. 243–270.
4. Книга Аль-Коран аравлянина Магомета, который в шестом столетии выдал оную за ниспосланную к нему с небес, себя же последним и величайшим из пророков Божиих / автор пер. М. И. Веревкин. – СПб. : Типография горного училища, 1790.
5. Пушкин, А. С. Подражания Корану. Собр. соч. в 3 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худ. лит-ра, 1985. – Т. 1. – С. 321–326.
6. Томашевский, Б. Пушкин : в 2 кн. / Б. Томашевский. – М.-Л. : Академия Наук СССР, 1961. – Т. 2. – 576 с. – Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/tomashevsky_b/tp/tp2-001-htm. – Дата доступа: 12.07.2022.
7. Черняев, Н. И. «Пророк» Пушкина в связи с его «Подражаниями Корану» / Н. И. Черняев. – М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1898. – 75 с.